

ВВЕДЕНИЕ В УРАЛО-АЛТАЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ – 2

Дж.Г.Киекбаев

§ 5. Об изучении урало-алтайских языков и возникновении урало-алтайской теории

По урало–алтайским языкам имеется много литературы, вышедшей в течение 240 лет на русском, английском, французском, шведском, финском и больше всего на венгерском и немецком языках. Проблемой урало–алтайских языков занимались и занимаются известные ученые мира, начиная с первой четверти XVIII века по сегодняшний день.

Фото 1.
Представители
финно-угорских
народов

В этом разделе даются лишь краткие и далеко не полные сведения об изучении урало–алтайских языков и об основных исследованиях по этой проблеме.

В научной литературе зачинателем в области изучения урало–алтайских языков считается шведский офицер Ф.И. Страленберг, который во время русско–шведской войны в начале XVIII века попал в плен к русским и Петром Первым был отправлен в Сибирь, где долгое время собирал сведения о народах и языках на Востоке России. По возвращении в Швецию он выпустил в Стокгольме большую книгу под названием «Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia» («Северо–восточная часть Европы и Азии», Стокгольм, 1730). Исходя из языковых данных, Ф. Страленберг делил народы этой обширной территории на шесть групп :

- 1) уйгуры (так он называл финно—угров),
- 2) тюркотатары,
- 3) самодийцы,
- 4) монголы и маньчжуры,
- 5) тунгусы,
- 6) племена между Черным и Каспийским морями (80— стр. 15).

Фото 2. Детские куклы в азербайджанских национальных одеждах

Продолжительное пребывание на восточной окраине России и личный контакт с людьми, говорящими на этих языках, позволили ему в основном правильно сгруппировать урало—алтайские языки и народы за исключением маньчжуров, которых он объединил с монголами, а не с тунгусами. Что касается «племен между Черным и Каспийским морями», то Ф.Страленберг о них имел, очевидно, мало представления, поскольку он на Кавказе не был.

Интенсивные исследования урало—алтайских языков начинаются в XIX веке. Одним из первых ученых, выступивших

как сторонник родства урало–алтайских языков, был профессор Берлинского университета, востоковед В. Шотт, который выпустил небольшую книгу «Versuch über die tatarischen Sprachen» («Опыт изучения татарских языков», Берлин, 1836). В своей книге он приводит много лексических и грамматических соответствий, которые являются общими для всех урало–алтайских языков. В.Шотт дал более правильную классификацию урало–алтайских языков и в отличие от Ф.Страленберг а разделил их на четыре группы: уральскую, тюркскую, монгольскую и тунгусскую.

Фото 3. Эстонцы

Почти одновременно с В.Шоттом изучением урало–алтайских языков занимался также эстонский языковед Ф.Е.Видеман, выпустивший большое исследование под названием «О древней территории чудских народов и их языковом родстве с народами Центральной Азии». Его книга вышла в 1838 году на немецком языке («Über die friiheren Sitze der tschudischen Volker und ihre Sprachverwandschaft mit den Volkern Mittelhochasiens»). В своем труде Ф. Видеман сделал смелую попытку доказать, что финно–угорские народы, или «чудские народы», как он их называл тогда, в языковом отношении являются родственными с народами Центральной Азии, т. е. с маньчжурами, монголами и тюрками (152–стр. 5–6).

Современный финский урало–алтаист М.Рясянен, выступивший с докладом «О родстве урало–алтайских языков» на заседании Финской Академии наук в 1963 году, склонен считать Ф. Видемана первым, который в ученом мире провозгласил тезис о родстве финно–угорских («чудских») языков с маньчжурскими, монгольскими и тюрко–татарскими (146– стр. 161). Но книга Ф. Видемана вышла все же на 2 года позже (1838), так что приоритет остается за В. Шоттом, работа которого (см. выше) вышла в 1836 году.

Однако заслуга Ф. Видемана состоит в том, что он в своем труде указал на ряд сходных и общих грамматических и частично фонетических признаков, отличающих урало–алтайские языки от индоевропейских. Эти сходные черты, характерные для всех урало–алтайских языков, сводятся к следующим:

- 1) наличие гармонии гласных (сингармонизм),
- 2) отсутствие грамматического рода,
- 3) отсутствие артикля, только числительное со значением «один» употребляется в функции неопределенного артикля,
- 4) словоизменение при помощи постпозитивных аффиксов, т. е. путем агглютинации,
- 5) присоединение к именам одних и тех же падежных аффиксов как в единственном, так и во множественном числе,
- 6) числительные и прилагательные в функции определения перед существительными не изменяются,
- 7) наличие притяжательных аффиксов,
- 8) обилие аффиксов, образующих глагольные формы, в частности кратные, мгновенные и т. д.,
- 9) употребление послелогов вместо предлогов,
- 10) постановка определения перед определяемым,
- 11) употребление существительных в качестве определения, указывающего на материал, из которого сделан предмет,

12) употребление существительных в единственном числе после числительных,

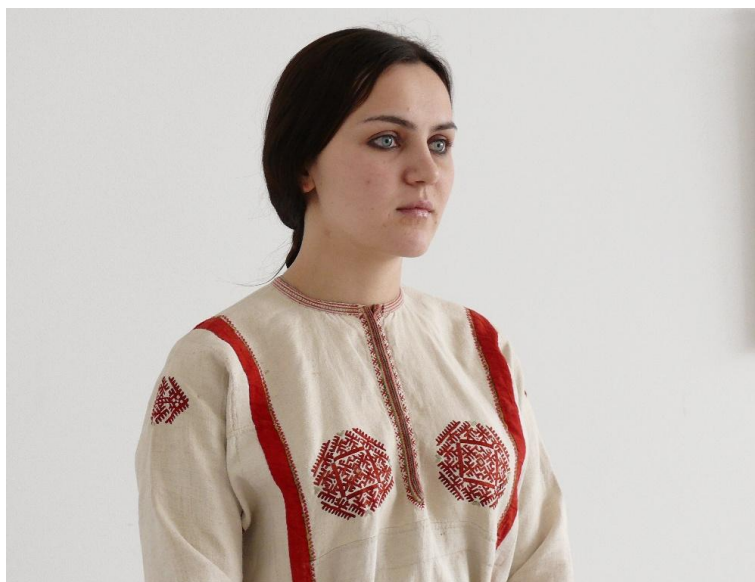
13) употребление исходного, или отдалительного, падежа (аблатива) в оборотах сравнения,

14) отсутствие вспомогательного глагола со значением «иметь» и употребление вместо него вспомогательного глагола со значением «быть»,

15) наличие в большинстве урало–алтайских языков специального глагола отрицания,

16) наличие агглютинирующейся вопросительной частицы,

17) употребление причастных и деепричастных конструкций в сложных предложениях вместо конструкций с союзами, т. е. паратаксис вместо гипотаксиса (152– стр. 7). При этом Ф. Видеман, очевидно, не учитывал случаи согласования определения и определяемого в числе в некоторых группах урало–алтайских языков, в частности в прибалтийско–финских и тунгусских.

**Фото 4. Чувашка
в национальном
костюме**

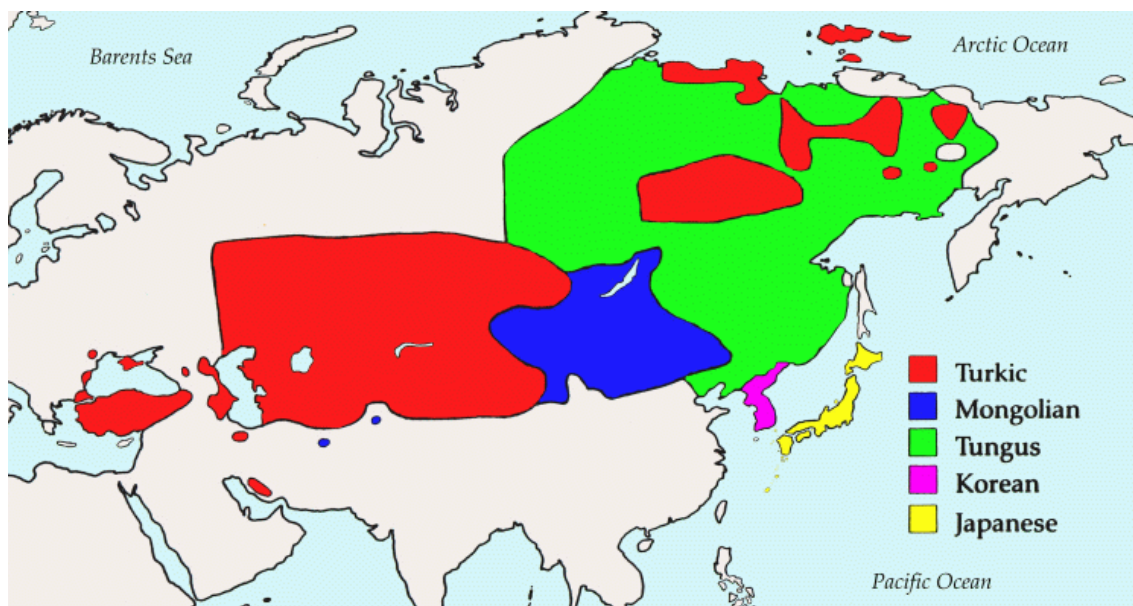
На общие фонетические и грамматические признаки урало–алтайских языков указывал также венгерский ученый Бернат Мункачи. Кроме перечисленных Ф. Видеманом признаков, Б. Мункач и выделил, в частности, чередование согласных к–г, с–f, х–f; наличие только одного согласного звука в начале слова; устойчивость звуков в корне слова; наличие притяжательного склонения; ударяемость первого или последнего слога (139–стр. 24–35).

Что касается устойчивости звуков в корне слова, то здесь требуются некоторые уточнения, так как во многих урало–алтайских языках мы обнаруживаем чередование как гласных, так и согласных звуков в корне слова, в частности, чередование ступеней согласных в падежной системе прибалтийско–финских языков, чередование ступеней согласных у числительных, прилагательных и наречий при логическом ударении в северных тюркских языках, в частности в башкирском, татарском и чувашском, ср. башк. алыс 'далеко' и аллыс 'очень далеко', чув. и башк. ике и икке 'два', тат. сигез и сиггез 'восемь', тугыз и туггыз 'девять'; в южнотюркских языках удлинение согласных в корне числительных теперь окончательно установилось, ср. азерб. йедди 'семь', сэккиз 'восемь', доггуз 'девять' (79–стр. 74) ; далее: чередование некоторых начальных согласных звуков в определенных фонетических условиях в кипчакско–тюркских и чувашском языках (так называемое анлаутное сандхи), чередование гласных а–э (е) в корне слова в уйгурском языке под влиянием аффиксального и (так называемый и умляют), ср. уйгур, баш 'голова', но бешим 'моя голова', ал 'взять', но елип 'взяв' (107–стр. 48–49); чередование гласных в корне слова в хантыйском языке и особенно в его диалектах, ср, хант. диал. ван 'плечо', но вунэм 'мое плечо', лотта 'купить', но луты 'купи' или катлта 'поймать', но китли 'поймай' (93–стр. 20–21).

Наконец, следует отметить наличие сингармонических параллелизмов в монгольских, маньчжурских, северных тюркских и венгерском языках, в которых это явление также связано с чередованием передних и задних гласных в корне слова и с изменением при этом значения слова. Речь идет здесь о чередовании гласных в словах типа маньч. арсалан 'лев' и эрсэлэн 'львица', ама 'отец' и эмэ 'мать', амака 'тесть' и эмэкэ 'теща', хаха 'мужчина' и хэхэ 'женщина' (30–стр. 118–119) или ср. еще венг. арра 'туда' и ерре 'сюда', аз 'то' и ез 'это', csalad 'семья' и cseled 'прислуга' (8–стр. 52–53); башк. калматс 'тяжелый' (характером) и һэлмэк 'тяжелый' (в весе), тсайны 'тесть' и кэйнэ 'теща', ср. тат. диал. ачы и эче 'горький и кислый' (29–стр. 22).

С точки зрения индоевропейских языков, можно было бы рассматривать чередование гласных и удлинение согласных в приведенных примерах как фонетическое явление. Однако это вряд ли связано только с фонетическими причинами, поскольку

здесь во многих случаях налицо изменение значения слова. Очевидно, здесь действуют другие законы урало–алтайских языков. Венгерский ученый Й. Балашша в свое время, правда, указывал на эти законы, сущность которых заключается в том, что форма с гласным переднего ряда указывает на близость, а с гласным заднего ряда – на удаленность предмета, или форма с передними гласными имеет более мягкое значение, а форма с задними гласными – сильное и строгое значение (8– стр. 51).

Карта 1. Алтайские языки

Приведенные Йожефом Балашша многочисленные примеры на сингармонические параллелизмы не являются особенностью одного только венгерского языка. Наличие этих сингармонических параллелизмов в некоторых тюркских, тунгусо–маньчжурских и частично в монгольских языках говорит о многом; они являются древнейшим наследием урало–алтайских языков. Сингармонические параллелизмы представляют собой разновидность сингармонизма, и они не могут быть отнесены к заимствованиям внутри урало–алтайской семьи; их невозможно считать также заимствованиями из других языков.

Г.И.Рамстедт, признававший родство только алтайских языков, включая в эту семью и японский (146– стр. 108–113), и отрицательно относившийся к урало–алтайской теории, в своем докладе «Отношение алтайских языков к другим языковым группам» указывал в свое время на ряд сходных синтаксических признаков, свойственных алтайским языкам (132– стр. 121). Многие из этих признаков совпали с теми,

которые приводил Ф. Видеман (см. выше). Г.И. Рамстедт указывал еще на следующие синтаксические признаки, являющиеся, на наш взгляд, не только общими с алтайскими языками, но и характерным и для большинства урало–алтайских языков, в частности: постановка подлежащего в начале предложения; определение и определяемое составляют одно интонационное целое, если на определение падает главное ударение, а на определяемое–второстепенное; определяемое может принимать разные аффиксы, а определение не принимает аффиксов; наречие стоит перед сказуемым; синтаксическое отношение может быть отчетливо выражено и тогда, когда имя стоит в неопределенном падеже (132–стр. 121).

Фото 5. Японцы

Кроме Ф.Видемана, Б.Мункач и Г.И.Рамстедта, на общие грамматические черты уральских и алтайских языков указывали также финский ученый П.Равила, венгерский ученый М. Жираи, а на общие лексические соответствия – французский ученый

А.Совансо и финский урало–алтаист М. Рясänen (132–стр. 120; 126–стр. 226).

Вслед за В. Шоттом и Ф. Видеманом в середине XIX века одним из первых исследователей урало–алтайских языков был финский ученый М. А. Кастрен, изучавший эти языки во время своих путешествий в восточные окраины тогдашней России, где он собрал огромный фактический материал по названным языкам.

Впоследствии М. А. Кастрен изложил свою точку зрения о родстве урало–алтайских языков в ряде работ, опубликованных на немецком и шведском языках под общим названием «Nordliche Reisen und Forschungen» («Северные путешествия и исследования», 1845, 1849 г. г.), а также в трудах, посвященных исследованию отдельных языков, в частности «Die Samojedische Grammatik» («Самоедская грамматика», 1854), «Grundzuge der tungusischen Sprachlehre » («Основные черты тунгусского языка», 1856), «Versuch einer burjatischen Sprachlehre nebst kurzein Worterversuchnis » («Опыт изучения бурятского языка с приложением краткого словаря», 1857), «Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre» («Опыт изучения койбальского и карагасского языка», 1857) и т. Д.

М.А.Кастрен, развивая высказанную В. Шоттом еще в 1836 году теорию о родстве уральских и алтайских языков, впервые подробно разработал урало–алтайскую теорию и положил начало сравнительно–историческому изучению уральских и алтайских языков (10–стр. 28–29).

В середине прошлого столетия урало–алтайскую теорию поддерживал также видный русский ученый, санскритолог О.Бётлингк, который изложил свою точку зрения по этому вопросу в известной книге «Uber die Sprache der Jakuten » («О языке якутов», 1851).

**Рис. 1. Русский
ученый,
санскритолог О.О.
Бётлингк**

В конце XIX и начале XX веков ученые значительно расширили область урало–алтайских языков, включая в эту семью также и японский и корейский языки. В этом отношении особого внимания заслуживают многочисленные исследования немецкого ученого, востоковеда Бреслауского университета Г. Винклера, поддерживавшего, теорию родства урало–алтайских языков и особенно точку зрения М.А.Кастрена. Как М.А. Кастрен и другие ученые, Г. Винклер к урало–алтайской семье относил финно–угорские, самоедские, тюркские, монгольские, тунгусо–маньчжурские языки и дал им подробную лексико–грамматическую характеристику. Г. Винклер в своих ранних исследованиях оставлял под вопросом принадлежность корейского и японского языков к урало–алтайской семье (153–стр. 54–57). Особого внимания заслуживают исследования Г. Винклера по урало–алтайским языкам «Ural–altaische Volker und Sprachen» («Урало–алтайские народы и языки», 1884), «Der uralaltaische Sprachstamm das Finnische und das Japanische» («Урало–алтайский протоязык; финский и японский языки», 1909) и т. д.

Корейский и японский языки считали родственными с урало–алтайскими также венгерские ученые Б. Мункачи, В. Преле, Б.Лауфер и В. Адлер. Их точка зрения нашла отражение в большом коллективном труде «Egijetemes, irodolom tortenet»

(«Университетская история литературы», том IV, 1911), изданном под редакцией Г. Густава.

Однако эти ученые, в отличие от А.Боллера, В.Шотта, Г.Винклера, Е.Д.Поливанова, Г.И.Рамstedта и других, не включали корейский и японский язык и непосредственно в урало–алтайскую семью, а возводили урало–алтайские языки, с одной стороны, и корейский и японский, с другой, к более древнему языковому типу, назвав его термином «ostyrgus».

Карта 2. Уральские языки

В свою очередь, из этого древнего языкового типа, как явствует из их классификации и схемы, отпочковались две ветви: 1) японо–корейско-айну языки и 2) урало–алтайская семья языков (136–стр. 37). В данном вопросе точку зрения Б. Мункачи, В. Преле и других о наличии весьма отдаленных родственных связей между урало–алтайскими языками, с одной стороны, и японо–корейско-айну языками, с другой, следует считать более правильной и обоснованной. Исходя из этого, мы не включаем корейский и японский язык и в урало–алтайскую семью, считая, что урало–алтайские языки составляют совершенно отдельную, самостоятельную ветвь, а японо–корейские языки

— другую ветвь подобно тому, как уральские и алтайские языки представляют собой две отдельные ветви обширной урало–алтайской семьи.

К числу сторонников урало–алтайских языков относятся также такие ученые прошлого века, как А.Боллер, А.Алквист, В.Банг, О.Доннер, а в начале нашего столетия – В.Преле, Б.Мункачи, Р.К.Раек и другие, посвятившие исследованию фонетики, грамматики и лексики урало–алтайских языков ряд работ, анализ которых не представляется возможным в данной книге. Подробный обзор литературы по затронутой проблеме дан в работах Н. А. Баскакова, М. Рясянена, Д. Фокош–Фукса, Д. Дечи (11–стр. 5–20; 80–стр. 15–26; 146–стр. 161–171; 132–стр. 117–131; 126–стр. 225–228).

В заключение заметим, что в отношении родства урало–алтайских языков особой точки зрения придерживается крупный венгерский ученый Ю. Немет, который считает тюркские языки родственными с уральскими, в частности с угорскими, и ставит под сомнение родство тюркских языков с монгольскими и тунгусо–маньчжурскими (12–стр. 14). Для выдвижения такой региональной урало–тюркской гипотезы внутри урало–алтайских языков имеется некоторое основание, так как уральские языки, особенно финно–угорские, в частности угорские, марийские, удмуртский, в процессе своего исторического развития уже в наш эру имели больше соприкосновения с тюркскими языками, чем, скажем, с тунгусо–маньчжурскими. Поэтому в уральских и тюркских языках можно обнаружить больше общих лексических и грамматических черт. Однако это еще вовсе не говорит о том, что в других урало–алтайских языках отсутствуют общие лексико–грамматические признаки, указывающие на древнее родство этих языков. Эти общие черты, особенно морфологические, невозможно обнаружить путем лишь синхронного сравнения лежащих на плоскости языка фактов.

Заметим также, что в сущности угро–тюркская гипотеза, являющаяся более узким вариантом современной урало–тюркской теории Ю.Немета, не новая идея. Она была выдвинута еще во второй половине XIX века видным венгерским востоковедом А. Вамбери.

По этому вопросу в ученых кругах тогдашней Венгрии в течение нескольких лет продолжалась оживленная дискуссия, пока другой крупный венгерский ученый Й. Буденц, выступавший тогда против угро–тюркской гипотезы, окончательно не решил этот спор, доказав своими исследованиями по сравнительной лексике и морфологии угорских языков родство венгерского языка с мансийским, хантыйским и другими финно–угорскими языками (53–стр. II).

Однако в своих позднейших исследованиях Ю. Немец, анализируя и уточняя приведенные Й. Буденцем лексические соответствия в урало–алтайских языках и учитывая высказывания Л. Лигети по этому вопросу, пишет, что в этом случае мы остаемся пока на урало–алтайской основе и что родство урало–алтайских языков является весьма вероятным, но не очевидным (66–стр. 127).

Продолжение следует...

Библиография и примечания:

См. Киекбаев Дж.Г. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, Башкнижиздат, 1972.

